

- 7 ИЮН 1945

Е. ГРОШЕВА

## ДНЕВНИК ИСКУССТВ

К концу сезона, как это часто случается, накопилось много театральных новинок. В июне один только Бодыш театр показал три премьеры — «Кармен», «Псковитянку» (на сцене филиала) и «Щелкунчика».

Если балет Чайковского в постановке В. Вайнонена москвичи смотрели еще в прошлом году, то к «Кармен» и «Псковитянке» театр вернулся после значительного перерыва. Оба спектакля свидетельствуют о серьезности стремлений театра, восстанавливающего в своем репертуаре лучшие произведения оперной классики. И хотя еще нельзя говорить о гармоничном единстве всех компонентов постановки, многое в этих спектаклях по-настоящему художественно ценно.

В «Кармен» привлекает великолепная слаженность музыкального ансамбля. Может быть, можно спорить с дирижером (А. Мелик-Пашаев) в отношении несколько созерцательного ощущения музыки Бизе, любования ее полифоническими узорами и колористическими деталями. Но нельзя не согласиться с тем, что его интерпретация убедительна, отличается продуманностью и изысканным вкусом. Особенно радует, что дирижер не останавливается на однажды найденном, но каждый раз творит заново, от спектакля к спектаклю углубляя нюансировку, находя новые поэтические подтемы.

А. Мелик-Пашаев владеет редкой выразительностью оркестровой канцелярии, и в «Кармен» почти каждая фраза оркестра, даже тогда, когда он только аккомпанирует, пленяет своей напевностью и законченностью формы. Прекрасно звучат ансамбли, значителен и вокальный уровень спектакля. Музыкально и свободно поет Микаэлу Е. Шумская, как всегда безук-

ризненно исполнение М. Максаковой (Кармен). Из исполнителей партии Хозе в вокальном отношении выделяется Г. Нэлепп; голос певца, благодаря своей музыкальной чуткости и гибкости, способен к выражению тонких лирических нюансов (ведь партия Хозе — скорее лирико-драматического характера, нежели чисто драматического), сохраняя при этом всю свою звуковую насыщенность. Красиво и тепло звучит голос П. Медведева, хотя чувствуется, что партия тореадора для него немного низка.

Надо также приветствовать стремление театра продолжить традиции русской оперной сцены, привлекая к своей работе крупных мастеров советского искусства. Однако на этот раз встреча Р. Симонова и П. Кончаловского не дала ожидаемых результатов. П. Кончаловский в декорациях к «Кармен» попытался дать зрелую представление о подлинной Испании прошлого столетия. Но нужно ли в данном случае — и вообще в театре — так уже строго придерживаться натур? Серое от пыли небо, которое можно наблюдать на юге в знойный летний полдень, словно выжженные солнцем, пыльные улицы Севильи с однообразными по колориту и по архитектурным контурам домами на заднем плане (первый акт), рисование сценических аксессуаров, вместо объемных — создают застывшую, статичную картину, очень мало отвечающую сверкающей музыке Бизе с ее яркой театральностью и поэтической приподнятостью. Столь же мало романтики и поэтичности в оформлении остальных актов оперы. Радует глаз лишь красочная гамма костюмов, но мысль одеть некоторые персонажи из толпы в европейские костюмы, сама по себе возможная, мало согласуется с внутренним темпом оперы. Длинные, пышные платья дам, сюртуки и цыганские мужчины обуславливают и иной

ритм их движений — чопорный, неторопливый, степенный. Поэтому, например, медленно и лениво гуляющие по площади пары (в первом акте) выступают в резкое противоречие с динамичной музыкой и репликой хора: «Странный народ! Куда спешит!»

Художник мало помог режиссеру, который не преодолел статичности, заложенной в декоративной концепции спектакля. Образы действующих лиц, массовые сцены трактованы картинно и уже поэтому недостаточно жизненны. Реалистическое раскрытие характеров режиссер заменил пластичной внешней рисунком, условной красотой сценических положений. Огромный стол в таверне Лилас-Пастель служит, например, своего рода пьедесталом для красавиц поз Кармен, от которых режиссер не в силах отказать даже в самые напряженные моменты действия. Что же в этом общего с глубоким реализмом чувств и страстей «Кармен»?

В другой премьере Большого театра — «Псковитянке» режиссер (Л. Баратов) почти каждый акт заканчивает застывшей живой картинкой. Но сколько внутренней динамики и острой выразительности, например, в финальной массовой сцене псковского веча или в сцене влиза Ивана Грозного в Псков! Эти моменты не только отвечают эпическому духу оперы Римского-Корсакова, но в них ощущается также и глубокая связь с образами русской классической живописи, с историческими полотнами Сурикова и Репина.

Режиссера и художника (Ф. Федоровский) объединило стремление раскрыть в монументальных образах спектакля их внутреннюю напряженность и драматизм. Особенно высоко надо оценить работу Ф. Федоровского, добившегося огромной экспрессии сценического оформления, в то же время монументально-пышного. Достаточно вспомнить ту же сцену веча: суровый предутренний полумрак, строгие очертания стен храма, озаряемые кровавым отблеском лампы, возмущающее

небо с устремленными вперед причудливыми облаками — тесно ассоциируются с тревожным гулом вечного колокола, рождает предчувствие чего-то значительного и неминуемого. Много подлинного ощущения поэтической красоты русского пейзажа в декорациях первого акта, с лирической перспективой уходящей вдали реки. Великолепны по пышности убранства хоры Токмакова, в которых он принимает Грозного, и царский шатер в последнем акте — с его почти восточной роскошью. Глубокое знание русского исторического быта и русской природы сочетаются в творчестве Ф. Федоровского с ярким чувством театральности, большой поэтической фантазией. В этом — значительный успех спектакля, поставленного тщательно и любовно.

Хорош общий ансамбль исполнительских сцел оперы. Выразительный образ Грозного создает А. Пирогов, подчеркивая благородство душевного мира, исполняющую силу чувства царя-отца. Отдално было в партии Ольги вновь услышать Г. Жуковскую — певицу глубокого лирического облика. Корретен в роли Туши Ф. Фелотов, мягко и красиво поет Токмакова Н. Шеголкин. Менее удовлетворяет исполнение пролога. Мало выразительна С. Панова, еще не вполне овладевшая драматической декламацией партии Веры Шелогой. Недостаточно гибок голос А. Щербакловой (Надежда), слаб А. Яхонтов в роли боярина Шелогой.

В дирижерской интерпретации партитуры оперы (дирижер С. Сахаров) хотелось бы более глубокого раскрытия лирической красоты музыкальных образов, большей широты русской напевности. Хотелось, чтобы оркестр звучал свободнее и в то же время не заглушал певцов, чтобы чудесный красочный колорит инструментовки Римского-Корсакова (особенно в «Вере Шелогой») был вытеснен.

Тогда «Псковитянка», несомненно, станет одним из лучших спектаклей Большого театра.